

Анастасия БИГАР

ДОСТИГАТОРЫ

КАРЬЕРА ПО ЛЮБВИ

Анастасия Бигар

Достигаторы. Карьера по любви

«Автор»
2026

Бигар А.

Достигаторы. Карьера по любви / А. Бигар — «Автор», 2026

Веронику Беляеву называют тонким психологом. Она умеет разбирать чужие жизни на молекулы и собирать их заново. Пока однажды её собственная жизнь не рассыпалась на части: громкий скандал, газетная шумиха, судебные иски и отозванная лицензия.Владелец «Поливоля» предлагает ей сделку. Михаилу Вольскому нужен человек со стороны — тот, кто посмотрит на его корпорацию без прикрас и скажет то, о чем не расскажут свои. Вероника соглашается. Не потому, что верит в удачу. А потому, что выбора нет.Корпоративный мир встречает её своими собственными правилами. Здесь каждый шаг — многоходовая комбинация, любовь просчитывают как многомиллионные контракты, а улыбки стоят дороже денег. Вольский в этом мире как рыба в воде. И чем дольше Вероника наблюдает за ним, тем отчётливее понимает: он выбрал её не случайно.Впервые в жизни Вероника встречает достойного соперника — и это не корпорация. Это человек, который читает её так же хорошо, как она читает других. И в этой игре на кону не только карьера.

© Бигар А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
*** 8
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26

Анастасия Бигар
Достигаторы. Карьера по любви

Глава 1

— Ты посмотри, какая красота, Егор. Сколько лет мы потратили, чтобы любоваться миром с высоты птичьего полёта?

Михаил Петрович Вольский стоял у большого панорамного окна на двадцать пятом этаже. Он не оборачивался — и так знал, что собеседник, расположившийся в кресле для посетителей, ловит каждое его слово. Он выдержал небольшую паузу и продолжил:

— А ты помнишь, как мы начинали? Нашу первую линию, которую установили чуть ли не в подворотне?

Посетитель в кресле прокашлялся и негромко заметил:

— В арендованном гараже, Миша. Это был гараж моего отца.

Невысокий грузный мужчина с трудом поднялся и встал рядом с хозяином кабинета.

— Ну да, точно, гараж, — Вольский оторвался от созерцания пейзажа и повернулся, чтобы посмотреть в глаза собеседнику. — А ты заметил, Егор, что мы теперь почти обо всём говорим в прошедшем времени?

Егор Ильич Баранов, работавший с Вольским больше тридцати лет и хорошо знавший этот пронизывающий до самого позвоночника взгляд, не отвел глаза.

— Не мы такие, жизнь такая, — попытался он пошутить. — Мы за ней не успеваем, настоящего почти нет — только прошлое и будущее.

— Жизнь, говоришь, такая?

Вольский прошел через весь кабинет и сел в свое кресло. Баранов, знавший правила игры, тоже отошел от окна и сел напротив.

— Стараюсь играть на опережение — раз уж за настоящим не поспеваю, то действую сразу в будущем.

Он осторожно придвинул к Вольскому бумаги, которые принес с собой. Тот пробегал глазами один за другим документы, одобрительно кивая. Егор Ильич наблюдал за ним, по многолетней привычке внимательно фиксируя реакцию на каждую бумажку. Закончив читать, Михаил Петрович достал из папки несколько фотографий и разложил их веером на столе. Баранов почти не сомневался в том, на какой из них шеф остановится. В ожидании он прикрыл глаза и сцепил на животе мясистые пальцы, словно пытался сам себя удержать в кресле.

— Интересный типаж, — Вольский держал в руках фотографию, с которой без улыбки смотрела темноволосая женщина с большими выразительными глазами. — Идеальная комбинация профессиональной силы и личной неуязвимости, такую не согнуть. То, что надо, — задумчиво протянул он, не отрывая взгляда от фотографии.

Егор Ильич открыл глаза и с трудом сдержал самодовольную улыбку, увидев чью фотографию выбрал Вольский — кто бы сомневался!

— Но с такими обычно сложно, и это риск. — Михаил Петрович перевёл тяжёлый взгляд на своего собеседника, — Наш риск, Егор, потому что в самый неподходящий момент она может сказать «нет».

— Тогда может не будем рисковать? — осторожно заметил Баранов. — У нас есть другие варианты. Контракт этой Беляевой подходит к концу. Свое дело в «Драйве» она уже сделала. Баба с возу, как говорится…

— Это мой воз, — резко оборвал его Вольский, — и я сам буду решать, кому и когда станет легче. Если станет, конечно, — на его губах мелькнула усмешка.

— Бесспорно, — поспешил согласиться Баранов, — вот только проблем с ней много — судебные иски, шумиха в прессе. Мы вполне можем найти кого-то более комфортного вместо

этой скандальной психологини. В этом списке, — он коснулся рукой папки, — проверенные люди, кто справится с задачей не хуже Беляевой.

— Не хуже? — Вольский вскинул бровь. — Я надеялся услышать, что «в разы лучше».

Он откинулся в кресле и задумался о чем-то своем. В кабинете повисла пауза. Пальцы Вольского забарабанили по столу — верный признак, что он просчитывает ходы.

Баранову страшно хотелось курить. Он достал из кармана старую зажигалку Zippo, подарок Вольского на какой-то давнишний юбилей, и начал вертеть её в руках, щелкая металлической крышкой. Серебряный бок зажигалки сверкнул надписью «своих не бросаем».

Вольский в задумчивости уставился в окно. За стеклом было не по-весеннему серо, Михаил Петрович нахмурился — то ли осуждая природу за нарушение установленного веками климатического графика, то ли потому, что не мог найти ответ на волнующий его вопрос.

— Рискнем, — наконец произнес Вольский. — Готовь контракт.

В его глазах мелькнуло что-то такое, от чего Баранову стало не по себе. Он кивнул и спрятал зажигалку в карман. Как по нему — так ничего интересного, обычная баба, не самая красивая, да ещё и с гонором. И что только шеф в ней рассмотрел?

Через час Баранов вышел из кабинета Вольского, аккуратно прикрыв за собой дубовые двери. Тяжёлым шагом он направился к лифтам, возле которых маялись неулыбчивые охранники.

В лифте он достал мобильный и набрал хорошо знакомый номер. На том конце ответили не сразу.

— Контракт подписан, — начал он без приветствия, — можно начинать… Да, именно сегодня. И мне плевать на твои планы.

***

Вероника смотрела, как в крошечную фарфоровую чашечку-наперсток наливается эспрессо. Черный, как темнота на картинах Караваджо. Вдруг вспомнилась поговорка, услышанная когда-то от хозяина небольшой кофейни в Стамбуле, где подавали вкуснейший турецкий кофе, что «кофе должен быть чёрным как ад, сильным как смерть и сладким как любовь». Она сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Дверь распахнулась и на кухню вошел всклокоченный Костя:

— Ты чего так рано? — он чмокнул жену в плечо по пути к холодильнику и достал бутылку апельсинового сока.

— И тебе доброе утро.

Вероника наблюдала, как муж налил ровно половину стакана — не больше и не меньше. Интересно, как ему это удается на глазок? Костя отпил маленький глоток и повернулся к Веронике.

Вероника одним глотком допила обжигающий напиток и сунула крошечную чашечку в посудомоечную машину.

— Тебе сварить кофе?

— Нет, спасибо. И тебе не советую. Кофе вообще вреден, от него портится цвет лица, — назидательно сообщил муж.

Веронике захотелось метнуться к зеркалу и проверить, не появились ли у нее синяки под глазами.

— Да, я помню, ты говорил, — она кивнула и одернула пиджак. — Мне приятно, что ты волнуешься о цвете моего лица.

— А чего такая официальная? — поинтересовался Костя, окидывая жену оценивающим взглядом с головы до ног. — Сто лет тебя такой не видел. Ты же вроде говорила, что в твоей айтишной компании так не принято.

— А у меня сегодня встреча в «Поливоль», — крикнула уже из прихожей Вероника.

Она искренне надеялась, что Костя не станет выспрашивать подробности, трудный разговор утром — не самое лучшее начало дня.

— В «Поливоль»? А зачем? Разве сделка ещё не подписана? — заинтересовался муж.

— Подписана, я тебе несколько раз говорила, ты просто не помнишь, — терпеливо пояснила Вероника. — Но возникли проблемы, и меня попросили остаться в «Поливоль» на какое-то время.

Костя поморщился:

— Ну конечно, без тебя ведь ни один конфликт не может обойтись. Ника, ты же обещала больше не ввязываться в темные истории!

— Ну почему темные? — Вероника пожала плечами. — Обычный производственный конфликт, какие часто случаются, особенно в период интеграции. Даже не конфликт, а так, недопонимание — люди говорят на разных языках и не могут обойтись без профессионала. Вот я и…

— Ник, может быть тебе напомнить, почему ты больше не ведешь частную практику и работаешь в корпорации? — Костя с грохотом поставил пустой стакан в раковину. — Что за удивительная способность искать на свою задницу неприятности?! Мне этот суд до сих пор в кошмарах снится! Только-только утихла шумиха в газетах, а соседи перестали тыкать в нас пальцем, и ты снова ввязываешься не пойми во что!

Вероника посмотрела на одинокий грязный стакан в раковине и почувствовала закипающее раздражение. Черт, ну почему он до сих пор не научился убирать грязную посуду в посудомоечную машину? Неужели это так трудно?

— Знаешь, мне тоже! — вскинулась Ника. — Мне до сих пор снятся кошмары, а когда я проверяю почтовый ящик, то все время боюсь найти там повестку в суд. Но это пройдет, просто нужно время. Поверь, это я тебе как психолог говорю, — Ника горячо уверила мужа, но Костя только презрительно скривился.

— Проходит только головная боль, — уколол он жену, — да и то, если вовремя принять таблетку. А суд и связанная с ним шумиха сами по себе пройти не могут, обязательно найдется какая-то вонючка с хорошей памятью и припомнит тебе эту историю!

— Конечно, найдется, — согласилась Вероника.

Ей очень хотелось сказать мужу, что сейчас он сам исполняет роль этой самой вонючки, но она сдержалась — вдох — выдох — задержка дыхания.

— Костя, это не повод отказываться от любимой работы и пускать псу под хвост собственную карьеру. Просто нужно время, — Ника схватила со стола стакан, сунула его в посудомойку и аккуратно закрыла крышку.

Костя даже не обратил на это внимание, и она в очередной раз промолчала — в конце концов, не разводиться же из-за грязного стакана!

— И вообще, — она улыбнулась мужу своей самой лучшей улыбкой, на которую была способна сегодняшним утром, — это все ненадолго, всего полгода!

— И что, останешься дома варить борщи? — проворчал муж. — Свежо, как говорится, предание!

— Насчет борща не уверена, но на стейк и салат сегодня вечером ты вполне можешь рассчитывать. Я захвачу Вадика после тренировки и давайте все месте поужинаем. Мы сто лет не проводили вечер семьей. Ты во сколько будешь?

Она задержалась на минуту в дверях, ожидая реакции мужа, но тот сидел, уставившись в свой телефон.

— Костя! — Вероника окликнула мужа. — Ты меня слышишь?

— А? Ты чего? — Костя смотрел на неё непонимающим взглядом.

— Я спрашиваю, ты сегодня поздно?

— Не знаю, пока не понимаю. Тут такое творится, — он неопределенно махнул рукой и снова уткнулся в телефон.

— Ладно, созвонимся, — кивнула Вероника.

Она ещё минут десять провозилась в прихожей, затейливо завязывая длинный шарф, в надежде, что муж, как раньше, выйдет проводить её. Услышав, как щелкнула дверь в ванной и полилась вода из душа, Вероника вздохнула и вышла из квартиры.

Пробираясь через высокие сугробы, откапывая машину и прогревая её, она думала о том, что им с Костей нужно поговорить. Сказать по правде, Вероника каждый день собиралась это сделать, но их графики катастрофически не совпадали — она уходит, когда Костя, как правило, ещё спит, а он приходит за полночь, когда у неё совершенно нет сил на серьезные разговоры.

Хотя, кого она обманывает? Сколько раз она убеждала своих клиентов, что избегание

— это деструктивный способ решения проблем. Нет, сегодня они точно не лягут спать, пока не поговорят — спокойно, без нервов и надрыва. Ровно так, как она всегда учила своих клиентов — не давить, не упрашивать, не помогать.

Сначала они все вместе поужинают — в кои-то веки соберутся втроем, она уже и забыла, когда в последний раз такое бывало. Непонятно, почему все изменилось?

Когда Костя вошел в их с сыном маленькую, но очень дружную семью, он очень быстро поладил с Вадиком. А какие у них тогда бывали выходные!? Они почти никогда не сидели дома, все время куда-то выбирались — то в зоопарк, то в цирк, то просто погулять по городу.

Ника невольно расплылась в улыбке, когда вспомнила, что в то время в багажнике её машины с постоянной пропиской поселились палатка, столик и стулья для пикника, походный котелок, надувной матрас, удочки, волейбольный мяч и куча других очень полезных вещёй. Интересно, где они сейчас?

Вместе с палаткой и надувным матрасом из их семьи как-то незаметно исчез праздник. Теперь Костя почти всегда чем-то недоволен и постоянно ворчит. С Вадиком они, если и общаются, то исключительно на повышенных тонах и в форме обвинений-ультиматумов. В последнее время муж стал до ночи пропадать на работе. Обстановка стала напоминать зону военных действий.

Вероника припарковалась на стоянке бизнес-центра «Скай-Тауэр». Она заглушила двигатель и перед тем, как выйти из автомобиля, закрыла глаза. Когда она уверенным шагом вошла внутрь огромного светлого атриума, залитого холодным белым светом, во взгляде не осталось и следа домашних проблем.

Главной достопримечательностью «Скай-Тауэр» была гигантская световая инсталляция под потолком — кинетическая скульптура из гладких полимерных лент, которые плавно изгибались, переливаясь холодным синим и серебристым светом. В народе эту инсталляцию называли «Волна», но она больше напоминала лёд — красивый айсберг, не имеющий ничего общего с живой водой.

— Ника, привет! — возле офисных лифтов Нику догнала Марина. — Сто лет не виделись. До того, как мы начали вместе работать, как-то удавалось чаще встречаться. Я тебя даже не сразу узнала.

Марина поцеловала воздух в миллиметре от щеки приятельницы.

— Наверное, скоро разбогатею, — Вероника обняла подругу в ответ. — Ну, что там твои прогнозы говорят, рынок пойдет вверх и нам дадут гигантскую премию?

— Ты меня с Василисой Володиной не путаешь? — расхохоталась Марина. — Я директор по маркетингу, а не астролог-футуролог! В моих руках тренды, индексы и серьезная аналитика, — она взмахнула перед Вероникой красивыми руками с ярким маникюром, словно демонстрируя, где именно располагается маркетинговый центр корпорации «Поливоль».

Подошел лифт, и Марина первой впорхнула внутрь. Вероника невольно залюбовалась легкостью её походки. Вот как, скажите на милость, это вообще законно при любой погоде выглядеть изящной феей, да ещё на таких высоченных шпильках? Она невольно покосилась на свое на отражение, сравнивая себя с приятельницей. Из зеркальной стены на неё сквозь роговые очки в ярко-синей оправе строго посмотрела темноволосая женщина. Из пучка выбилось несколько непослушных прядей, и Вероника спрятала их за ухо привычным жестом.

— Может кофейку? — предложила Марина и нажала кнопку третьего этажа, где располагалась зона фудкортов. — Здесь шикарные эклеры, за такие можно душу продать.

— Душу — пожалуйста, а вот талию нет. Да и не могу, опаздываю, — Ника посмотрела на часы. — У меня встреча с Вольским.

— С Вольским? А что за повод? — оживилась Марина.

— Понятия не имею, — Вероника пожала плечами. — У меня заканчивается контракт. Может, хочет поблагодарить на прощание?

В этот момент лифт остановился на третьем и на лице Марины отразилось искреннее сожаление:

— Ну вот, на самом интересном месте! — она снова расцеловала воздух, не касаясь щеки подруги. — Позвони мне, — крикнула она в закрывающиеся двери, — хочу первая узнать все подробности!

Вероника поднялась на двадцать пятый этаж. В пустынном холле было прохладно и так тихо, что даже звук летящей мухи прозвучал бы как рев истребителя на параде.

— Хотя откуда здесь могут быть мухи? — пробормотала Вероника, оглядываясь по сторонам. — Тут даже людей не видно.

Она решительно направилась через холл к кабинету с большой медной табличкой «М. П. Вольский. Главный акционер, председатель правления ООО „Поливоль“». В огромной приемной, не уступавшей размерами центральному холлу, её встретила ассистентка Вольского.

— Вероника Андреевна, придется подождать. У Михаила Петровича чуть затянулась предыдущая встреча. Присаживайтесь, пожалуйста, — она кивнула Веронике в сторону больших кожаных кресел. — Чай, кофе? Минеральная вода?

— Спасибо, ничего не нужно, — вежливо отказалась Вероника.

Она давным-давно вызубрила на зубок неписаные правила важных аудиенций. Во-первых, никогда не заказывай цветных напитков, которые имеют свойство проливаться в самый неподходящий момент. Во-вторых, никогда не садись в известные своей коварной мягкостью представительские кресла — утонешь и не сможешь подняться с достоинством. Вероника подошла к огромному панорамному окну и залюбовалась открывающимся видом. Интересно, о чем думают люди, которые смотрят на жизнь с высоты птичьего полета?

Глава 2

Двустворчатые резные двери кабинета Вольского распахнулись, выпуская на свободу мужчин в строгих деловых костюмах. Ассистентка заглянула в кабинет и, очевидно, получив невидимое для Вероники высочайшее разрешение, пригласила её войти.

В центре большой светлой комнаты стоял огромный стол. Он занимал собой почти всё пространство и был поставлен так, что казалось, был здесь всегда, а комната построена вокруг него. Столешница была выточена из цельного среза карельской берёзы — нарочито брутальная, необработанная, с сохранённой естественной формой краёв. Эта «природность» в ультрасовременном интерьере «Скай-Тауэр» создавала странный диссонанс, будто кто-то специально оставил здесь кусок дикого леса как напоминание о чём-то важном.

Михаил Петрович Вольский, расположившийся во главе этого деревянного монстра, молча смотрел на застывшую в дверях Веронику, словно ждал, что она совершит какой-то ритуал. В голове Вероники пронеслась шальная мысль, не присесть ли ей в глубоком реверансе. Она представила эту картину и чуть не расхохоталась во все горло, но вовремя спохватилась — вряд ли Вольский оценит столь бурное проявление эмоций. Ника сделала шаг вперед и громко поздоровалась:

— Добрый день, Михаил Петрович. Мне было назначено…

— Да бросьте вы эти церемонии, Вероника Андреевна!

Хозяин кабинета поднялся со своего места и подошел к ней, протягивая руку:

— Прошу вас, — он жестом пригласил присесть.

Вольский оказался высоким, с прямой, почти военной осанкой. Вероника расположилась за столом, и по многолетней привычке почти мгновенно просканировала хозяина кабинета — седые виски, которые он не пытается, как это сейчас делают многие, закрашивать. Классический костюм угольно-черного цвета, судя по всему, от дорогого дизайнера. Из-под манжеты выглядывают дорогие часы, наверняка Patek Philippe — скромно, но дорого, неприметно, но статусно. Крупные руки с выступающими венами, без обручального кольца и фамильных печатных перстней, которыми так грешат многие владельцы заводов-пароходов.

Вольский испытующе всматривался в сидящую перед ним женщину и не спешил начинать разговор. Вероника пристроила на стол ноутбук, в котором заранее были открыты несколько десятков разных файлов, чтобы можно было запросто ответить на любой заковыристый вопрос, и смело взглянула в глаза хозяину кабинета. Тот продолжал молчать и только барабанил пальцами по столу.

Веронике было крайне неуютно под сканирующим взглядом, но она терпеливо ждала, когда Вольский начнет разговор. Уж кто-кто, а она точно знала, что нельзя торопить человека, пока тот формулирует свой вопрос. В переговорах всегда выигрывает тот, кто умеет выдерживать паузу. Торопить собеседника — значит дать ему власть.

— Так вот о чем я хотел с вами поговорить, Вероника Андреевна, — наконец заговорил Вольский. — Как давно вы работаете в «Драйве»?

— Полгода, — лаконично ответила Вероника.

Михаил Петрович удовлетворенно кивнул, и продолжил:

— Это ведь вы занимались подготовкой интеграции?

— Да, меня пригласили на позицию директора по персоналу, а четыре месяца назад подключили к сделке. Формально я всё ещё в «Драйве», но работаю на «Поливоль». Сейчас проект подходит к концу, так что я завершаю дела.

Ей очень хотелось добавить, что Михаилу Петровичу это наверняка и так известно, и вряд ли стоило её вызывать только для того, чтобы задать такой очевидный вопрос, но она благоразумно промолчала.

— Понятно, — кивнул Вольский. — Насколько я знаю, вы дипломированный психолог и довольно успешны в антикризисных практиках. Мне докладывали, что вы очень неплохо выступили в качестве медиатора недавнего конфликта наших коммерсантов, и я наслышан о вашей роли в улаживании конфликта на нашем производстве. Скажу честно, я впечатлен. У вас репутация, тонкого психолога, — губы Михаила Петровича растянулись в вежливой улыбке, но глаза оставались холодными.

Он не отрывал изучающий взгляд от Вероники, а она с трудом удержалась, чтобы не съязвить про фразу «скажу честно», которая обычно предшествует как раз тому, что честным не является.

Вольский помолчал, словно тщательно обдумывал, что сказать дальше, и не спеша продолжил:

— Вас характеризуют как человека, который не будет скрывать проблемы, так сказать, не станет «красить газон». А ещё про вас говорят, что вы умеете держать язык за зубами.

Он продолжал сверлить Веронику взглядом. Ей было крайне неуютно, как если бы она вдруг очутилась на широком столичном проспекте абсолютно голой, но ни один мускул не дрогнул на её лице.

— Я хочу, — продолжил Вольский, — чтобы вы остались и завершили интеграцию. Так сказать, сыграли на моей стороне.

Вероника непонимающе взглянула на него, но не спешила с комментариями, ожидая услышать продолжение.

— Я вижу, что сделка идет трудно, по отчетам моих безопасников обстановка напряженная, и я боюсь, что после официального поглощения конфликтов станет ещё больше. Их урегулирование потребует слишком много времени, которого у меня сейчас нет. А вы блестяще справляетесь с такими задачами. Кроме того, мне нужна ваша экспертиза в одном очень важном для меня вопросе, к которому я не могу привлечь чужих людей. Я ищу специалиста, который хорошо знает мой бизнес, разбирается в психологии, при этом не имеет личной заинтересованности и сможет выступить объективным экспертом.

Вероника, до этого момента внимательно слушавшая Михаила Петровича, решила, что сейчас самое время задать волнующий её вопрос:

— Могу я спросить, какое я имею к этому отношение?

— У вас есть дети, Вероника Андреевна? — ответил вопросом на вопрос Вольский.

— Сын, его зовут Вадим. Я думаю, вы читали в моем личном деле, что ему скоро тринадцать, он учится в физико-математической школе и серьёзно занимается спортом.

Ей надоело играть в кошки-мышки, и она дерзко посмотрела в глаза Вольскому, ожидая его реакции. Не станет же он отрицать, что изучил все детали её личной жизни? Интересно, что ещё он о ней знает? Веронике стало неуютно при мысли о том, что может быть написано о ней в справке, которую наверняка подготовили владельцу «Поливоля» его безопасники.

— У меня тоже сын, — прервал её тревожные мысли Михаил Петрович. — Матвей, ему двадцать пять. У нас сложные отношения, но так вышло, что он мой единственный сын и наследник. А кровь, как говорится, — не вода. Вот эта компания, — он развел руками, — это не просто бизнес, это часть моей жизни, и тоже, можно сказать, моя семья. И люди, которые здесь работают мне небезразличны. Я много лет вкладывал в бизнес, в развитие своей команды не только деньги, но и, не простите за пафос, душу.

Вероника внимательно слушала его речь, пытаясь понять, к чему он ведет. Михаил Петрович встал, подошел к небольшому сейфу и достал какие-то бумаги.

— Вот, взгляните, Вероника Андреевна, — Вольский аккуратно положил перед ней стопку документов. — Это личные дела топ-менеджеров «Поливоля». Сейчас все в компьютерах, но я, знаете ли, привык как-то по старинке.

Вероника подняла на него недоумевающий взгляд:

— Это же все конфиденциально. У меня и доступа-то к этой информации нет. Наверное, вам лучше этот вопрос обсудить с директором по персоналу…

— Наверное, — перебил её Михаил Петрович и в его голосе послышалось раздражение, — мне лучше знать, с кем и что обсуждать. И если я решил обсудить этот вопрос с вами, значит мне нужны именно вы.

Он помолчал и продолжил:

— В компании сложилась непростая ситуация, и мне предстоит ряд кадровых перестановок, которые необходимо сделать без лишнего шума, не привлекая внимания. К тому же я бы хотел ввести в бизнес своего сына и начать постепенно передавать ему дела. Он молод и неопытен и, боюсь, не готов к такой роли. Конечно, у меня есть другие претенденты — три топ-руководителя, выросшие в этой компании. Каждый из них мне знаком вдоль и поперек, на каждого я потратил не один год своей жизни и до недавнего момента был уверен, что, когда придет время, я с легкостью смогу выбрать одного из троих.

Вольский вздохнул, словно ему тяжело говорить, но Вероника была готова поклясться, что это была заранее продуманная пауза. Он прокашлялся и продолжил.

— Ряд недавних событий серьезно осложнил ситуацию и повлиял на общий расклад. И сейчас, когда нужно выбирать, я вдруг понял, что мне необходим свежий объективный взгляд, да и сыну моему профессиональный наставник не помешает. Как сейчас говорят, коуч, — он усмехнулся, внимательно наблюдая за реакцией Вероники.

— Понятно, — Вероника откинулась на спинку кресла и улыбнулась Вольскому своей самой ослепительной улыбкой. — Я правильно понимаю, что вам нужен человек, который, во-первых, возьмёт на себя ответственность за ваше внезапное прозрение, что вы двадцать лет растили не тех людей. Во-вторых, превратит вашего сына из балласта в актив. И в-третьих, — она сделала театральную паузу, словно пыталась подобрать правильные слова,

— сделает это тихо, элегантно и так, чтобы никто не догадался, что великий Вольский на самом деле сомневается в собственном выборе.

— Балласт... — медленно проговорил Вольский, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. — Вы знаете, я терпеть не могу, когда наглость граничит с глупостью. Но то, что я сейчас вижу... — Он откинулся в кресле, и его губы дрогнули в едва заметной, но самой что ни на есть настоящей улыбке. — Давно я не встречал такой наглой убедительной смелости. И да, Вероника Андреевна, вы абсолютно правы. Именно такой человек мне и нужен. Тот, кто не боится называть вещи своими именами.

Он внезапно стал серьёзен, глуховатый голос приобрёл низкие, уверенные тона.

— Что касается сомнений... Вы не поверите, но я сомневаюсь каждый раз, когда принимаю решение о покупке нового завода или запуске рискованного продукта. Это не слабость, Вероника Андреевна. Это единственная форма гигиены ума, доступная человеку с моим масштабом ответственности. И только что вы меня убедили, что я сделал правильный выбор, поэтому никаких сомнений.

Вольский прищурился и его лицо приобрело хищное выражение. Он с интересом рассматривал Веронику, как диковинную птичку с ярким оперением, каких никогда не встречал раньше.

— Так вот, — Михаил Петрович хлопнул широкой ладонью по столу, — я хочу, чтобы вы внимательно изучили эти личные дела и выступили в качестве внешнего наблюдателя, а заодно наставника моего сына. Я распоряжусь, чтобы вас включили во все необходимые совещания, дали доступ к документам и обеспечили полномочиями. Чтобы исключить слухи и

домыслы, вы будете назначены на роль советника по интеграции новых активов. Никто не должен знать, что вы занимаетесь моим личным поручением, поэтому для всех ваша задача — сохранение ключевой экспертизы при покупке новых бизнесов. А через полгода я буду ждать от вас подробные рекомендации, кто из этой троицы может выступить в достойном тандеме с моим сыном или самостоятельно возглавить мой бизнес. Такой сценарий я тоже не исключаю.

Вольский подтолкнул к Веронике документы.

— Взгляните.

Она осторожно придвинула к себе увесистые папки, на обложке каждой была аккуратно прикреплена большая портретная фотография. Так, интересно, и кто же здесь?

Вероника посмотрела в смеющиеся глаза коротко стриженного седого мужчины на первой обложке. Того самого Алексея Иванова, которому она помогла вырулить в Новорусске.

Она быстро пробежала глазами резюме — давно работает в компании, за плечами МГИМО и европейская магистратура. Судя по опыту, сильный продажник и матерый переговорщик, такому палец в рот не клади. Она вспомнила, как Марина взахлеб рассказывала, что Алексей пользуется исключительным авторитетом и покровительством Вольского. Неудивительно, что он попал в эту тройку.

Вольский проследил за взглядом Вероники и в подтверждение её мыслей прокомментировал:

— Лешка отличный коммерс, я давно его знаю, пришел ко мне сразу после института. Все при нем, и профессионализм, и опыт. Бежит быстро, удар держит, под напряжением не ломается, и даже не гнется. Но уж больно эмоциональный. Заносит его время от времени, одна эта недавняя история в Новорусске чего стоит, — он поймал недоуменный взгляд Вероники и продолжил, — да-да, я в курсе, и о вашей роли в этом конфликте тоже. Вы почитайте, в папке есть все детали, включая те, о которых даже вы не подозревали, когда взялись за это дело. В общем, именно из-за этой истории у меня появились серьёзные сомнения, а я не могу рисковать.

Со второй фотографии на неё смотрел худощавый лысеющий мужчина с тонкими поджатыми губами. О нем Ника была наслышана, правда лично никогда не встречалась. Это Сергей Полоскин, директор по инновациям и развитию. Ника слышала, что он гений цифр и в голове у него компьютер. Словно в подтверждение её мыслей, Вольский добавил:

— Сережа удивительно чувствует рынок и непостижимым образом просчитывает самые сложные комбинации. За всю свою многолетнюю карьеру я другого такого не встречал. У него безупречная коммерческая чуйка и профессиональное бесстрашие, граничащее с безумием. Все гениальные контракты принес именно он. Неизвестно, стал бы «Поливоль» тем, чем он является сейчас, если бы не идеи Полоскина.

Вольский поймал недоуменный взгляд Вероники и с усмешкой продолжил:

— Все бы хорошо, только в последнее время он все чаще стал бить мимо цели. Никак не пойму, то ли устал, то ли талант подрастерялся. Сносился, так сказать, оплешивел.

Вольский усмехнулся, и от этой усмешки у Вероники по спине пробежал холодок.

— В этих папках, — он ткнул пальцем в стопку документов, лежащих на столе, — личные дела всех топ-менеджеров, включая финансового директора и нынешнего директора по персоналу, господина Баранова. Эта информация вам точно понадобится, но, если вы будете изучать её в системе, неизбежно останется цифровой след, а это привлечёт внимание. А я бы хотел избежать слухов. Во всяком случае, пока.

Его глаза недобро блеснули.

Глава 3

Вероника перебрала папки и остановилась на личном деле Баранова. Вольский поймал её взгляд и усмехнулся:

— Вы удивительно проницательны, Вероника Андреевна. Или хорошо осведомлены. Мы действительно договорились с Егором Ильичом, что в течение полугода он потихоньку отойдет от дел. В силу личных обстоятельств он не в состоянии так же хорошо, как раньше, выполнять свою работу, — Вольский слегка поморщился, как от зубной боли. — Об этом вовсю шушукаются в курилках, а скоро станут обсуждать в открытую. Я уже начал подыскивать ему замену, но как только об этом станет известно, со всех сторон потянутся бесконечные протеже.

Вероника не смогла сдержать удивления, и Михаил Петрович снисходительно улыбнулся её непосредственной реакции:

— Все это очень мешает, отвлекает от дела. Мне нужно время все спокойно обдумать и принять взвешенное решение. Я не готов тратить время на пустые разговоры и разруливание интриг. Поэтому мне нужен кто-то со стороны, кто не входит в эту систему, не связан с ней ни дружбой, ни враждой, и поэтому может позволить себе не участвовать в политических играх.

— А вы не считаете, — Вероника поправила очки, словно проверяя, надежно ли они закреплены на лице, — что все это немного странно? Вы полжизни строили компанию, растили людей, а сейчас, когда пришло время принять важное решение, приглашаете совершенно незнакомого человека?

— Во-первых, я за вами наблюдаю несколько месяцев, — Вольский откинулся на спинку кресла. — Поверьте, я отлично осведомлен обо всем, что происходит в моей компании, и никогда не приглашаю случайных людей. А во-вторых, вы будете работать лично со мной, так что я не вижу никаких рисков.

Вероника кивнула, хотя понятнее ей не стало. Пытаясь собраться с мыслями, она продолжила перебирать папки и вдруг замерла. С фотографии, аккуратно прикрепленной канцелярской скрепкой, на неё смотрели светло-серые, почти прозрачные глаза. Со снимка ей улыбался темноволосый мужчина с тяжелым подбородком и небольшим чуть заметным шрамом над правой бровью. Вероника хорошо знала этот маленький шрамик и даже помнила, какой он наощупь. Она сжала руку в кулак, чтобы отогнать это ощущение. Ей показалось, что сердце пропустило один удар, а потом так громко заколотилось в груди, что она испугалась, что Вольский тоже слышит его стук.

— А это Вячеслав Рублёв, наш стратегический консультант, — пояснил Михаил Петрович. — Несколько лет работает в «Поливоль» на интеграционных проектах, занимается стартапами. Хваткий парень, умный, глаз цепкий, все замечает. Я всерьез думал о нем, как о партнере для моего Матвея, но не могу понять, хватит ли ему стержня, чтобы довести дело до конца и не бросить начатое на полпути. Мой Матвей пока мальчишка — как говорится, в поле ветер. А если и партнер окажется таким же, беды не оберешься.

Ника надеялась, что на её лице не отразилось всей гаммы чувств, которые раздирали её изнутри. Она собрала папки в аккуратную стопку, подровняла, чтобы стопка получилась идеально ровной, уголок к уголку.

Все это время Вольский внимательно наблюдал за действиями Вероники и терпеливо ждал её реакции. Ника посмотрела Вольскому в глаза, и ей вдруг показалось, что он видит её насквозь.

— Почему я? Вы вполне можете нанять профессиональных экспертов, которые гораздо быстрее и качественнее справятся с этой задачей. Почему вы решили сделать это предложение именно мне?

Вольский усмехнулся:

— Ну наконец-то. Я ждал этого вопроса. Мне говорили, что вам всегда непременно нужно докопаться до истины.

— Просто я не люблю, когда меня используют втемную. Так почему я? — не отступала Вероника.

Она уже справилась с недавним волнением и выглядела вполне решительно.

Вольский поморщился:

— А я не люблю подобные формулировки — чересчур много эмоций и мало смысла. Я предпочитаю выражение «взаимовыгодное сотрудничество», это лучше отражает суть моего предложения. А насчет консультантов, конечно, вы правы. Они как стервятники кружат вокруг «Поливоль, — он осуждающе покачал головой. — Но я не хочу привлекать чужих, а вам не нужно будет объяснять простых вещей. Кроме того, в вас я уверен, потому что могу предложить вам настоящую сделку, а не только оплату ваших услуг. Помимо денег, а я готов заплатить по цене консультантов, я предлагаю свою помощь в восстановлении вашей лицензии. Вы ведь хотите вернуть свой бизнес?

Вероника оказалась не готова к такому щедрому предложению, хотя ещё сегодня утром мечтала об этом. В голове заметались мысли: «Неужели такое возможно? А что он попросит взамен?.. Костя точно не обрадуется, что я скажу ему? А как же отпуск на море, мы же хотели… А Слава? Черт, здесь работает Рублёв…. Я не могу, я точно не могу…»

— Михаил Петрович, я, — начала она было решительно, но когда подняла глаза, то с удивлением обнаружила, что Вольский уже уткнулся в бумаги и даже не смотрит на её.

Она прокашлялась, привлекая внимание, и продолжила чуть громче:

— Михаил Петрович, благодарю за доверие. Мне лестно, что вы так высоко оценили мои профессиональные качества, но, к сожалению, я вынуждена отказаться, — Вероника резко встала, и стул, на котором она сидела, с противным скрежетом отъехал назад. — Михаил Петрович, в моей практике был только один человек, который умел так виртуозно манипулировать людьми. Это мой семилетний племянник, когда ему запрещали мороженое перед обедом.

Она уперлась руками в стол, наклонившись к нему так близко, что увидела, как сузились его зрачки.

— Вы предлагаете мне сделку, от которой зависит моё будущее, и даже не потрудитесь выслушать ответ? Или вы уже так уверены, что я однозначно соглашусь? — она говорила тихо, но каждое слово било точно в цель. — Тогда позвольте разочаровать. Я играю только по своим правилам.

Вольский неохотно оторвался взгляд бумаг.

— Вы правы, Вероника Андреевна, я внимательно изучил ваше личное дело. И у меня есть убедительные аргументы, которые не дадут вам возможности отказаться.

Его голос звучал по-прежнему ровно, без эмоций, но Веронике стало не по себе.

— Громкое было дело. Как, говорите, звали вашего клиента? Если я ничего не путаю, кажется, Марк Соболев. — продолжил Вольский с отеческим сочувствием. — Надо же, такая нелепая случайность, я бы даже сказал, банальная глупость, а так чудовищно ударила по репутации и почти разрушила вашу карьеру.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Мелькнуло и тут же исчезло.

— Но все поправимо, если рядом есть надежные друзья и союзники, — продолжил Вольский после небольшой паузы. — Я предлагаю вам свою дружбу. Полгода. Шесть месяцев, ваши рекомендации, огромная премия, и вы свободны. И поверьте, никто не посмеет даже пикнуть, когда вы вернетесь к своей частной практике.

Вероника молчала, и Михаил Петрович вздохнул, не дождавшись ее ответа.

— Без моей помощи вы не справитесь. А отказавшись от сотрудничества, вы однозначно рискуете окончательно похоронить мечты о том, чтобы когда-нибудь вернуть свой бизнес. Ну

так что, ваш ответ да или однозначно да? — в его голосе прозвучала насмешка, но лицо оставалось серьезным.

Вероника замерла. Пальцы впились в край стола так, что побелели костяшки. Ей показалось, что воздух в кабинете стал густым и тяжёлым, как сироп. Она медленно подняла взгляд и встретилась с ледяными глазами Вольского.

— Хорошо.

Это слово прозвучало тихо, но с такой чёткой артикуляцией, будто слово было вырезано из стали.

— Я согласна. Только не нужно рассказывать мне про «дружбу», от неё как-то больше попахивает рэкетом, — её голос приобрёл новое, незнакомое Вольскому измерение — холодную профессиональную отстранённость. — И пугать меня не нужно, это уже сделали до вас. Я согласна на сделку. Шесть месяцев. Но на моих условиях.

Вероника вернулась в кресло, движения её были скупыми и точными, словно она уже начала работу. От недавней растерянности не осталось даже следа, сидевшая перед Вольским женщина жестко продиктовала свои условия:

— Первое: полный доступ. Ко всем отчётам, переговорам, совещаниям. Без исключений. Второе: я работаю с вашим сыном по своему методу, вы не вмешиваетесь. Третье: мы подписываем официальный договор, где чёрным по белому прописывается ваша помощь в восстановлении лицензии. И датируется он сегодняшним числом — до того, как вы решили перейти, так сказать, — она хмыкнула, — к убедительным аргументам.

Вольский смотрел с нескрываемым интересом.

— И последнее, — Вероника чуть наклонила голову. — Я работаю на вас, но я не ваша собственность. Если вы снова попробуете шантажировать меня, — её губы тронуло подобие улыбки, — я превращу эти шесть месяцев в такое пиар-фиаско для «Поливоля», что вашему сыну достанется в наследство не империя, а горстка пепла. Договорились?

Она не стала ждать ответа, а просто кивнула, собрала со стола папки и направилась к двери. Уже взявшись за ручку, Вероника обернулась:

— А знаете, Михаил Петрович, я где-то слышала, что в хирургии есть правило: если не уверен — не бери скальпель. А вы предлагаете мне лечить без точного диагноза. Так что давайте сразу договоримся, если я увижу, что требуется ампутация — я скажу это прямо, без реверансов.

Они встретились взглядом, и впервые за время разговора Вероника почувствовала себя на равных. Вольский усмехнулся и кивнул?

— Вам приготовили кабинет, моя секретарша вас проводит.

Вероника вышла от Вольского, аккуратно прикрыв за собой дверь. Бессловесная ассистентка с причудливыми ресницами проводила её на двадцать третий этаж. Ника мысленно усмехнулась, когда поняла, что её новый кабинет устроили на этаже, где располагалась топ-команда. Что ж, старой гвардии придется потесниться!

— Проходите, все готово, — секретарша гостеприимно распахнула дверь, пропуская Веронику вперед, — А табличку завтра прикрепят.

— Табличку? — переспросила Вероника. — Какую табличку?

— Так вот же!

Катя кивнула на бронзовую табличку, которая торжественно блестела посреди её огромного стола: на ней были выгравированы имя Вероники и новая должность. Надо же, он даже не сомневался, что она согласится!

— Понятно, — Вероника сдвинула табличку в сторону и швырнула папки на стол, но потом, словно опомнившись, собрала документы и спрятала в ящик.

Для надежности она заперла их на ключ, а сам ключ спрятала в дальний кармашек своей безразмерной сумки. Она все посмотрит, но завтра. Сегодня у неё нет на это душевных сил.

И вот что ей теперь делать? Ей бы со своими домашними проблемами разобраться, а тут такая ответственность, да ещё привет из прошлого в лице Славика Рублёва. К этой встрече Вероника совершенно не готова! Черт, как могло получиться, что она согласилась на эту дурацкую аферу?! Надо же было так вляпаться!

Неожиданно в сумке запиликал мобильный, на экране высветилось «муж».

— Костик, привет, — Ника с облегчением выдохнула в трубку.

Она сама от себя не ожидала, что так обрадуется этому звонку.

— Привет, я на пару минут, — голос мужа звучал сухо и очень по-деловому.

— Как хорошо, что ты позвонил! Ты приедешь к ужину? Представляешь, меня тут неожиданно…

— Ник, я очень занят, — отрезал муж. — Потому и звоню, я хотел предупредить, что буду поздно. У нас креативный совет, тут вообще дым коромыслом. Мероприятие через неделю, мы вообще ничего не успеваем!

— Подожди, — прервала его Вероника. —Ты же обещал, мы ведь хотели…

— Ник, пожалуйста, не начинай. Давай все потом, когда я закончу проект?

— Костя, подожди, ведь мы …

— Ник, я тебя очень прошу, можно без твоих психологических драм? Представляешь, не только у тебя бывают проекты. Все, давай, дома поговорим. Пока!

Ошарашенная Вероника так и сидела с трубкой в руке, когда дверь неожиданно распахнулась и к ней заглянула Марина.

— Ну не фига себе промоушен1[1]! — Марина влетела в кабинет и сразу уставилась на табличку. — Ты, конечно, тихушница. Час назад встречалась с Вольским — а уже, гляньте, имя выгравировали! И ведь ни полслова! А сама вся такая — «ой, да я не хочу, ой, да мне это неинтересно»! Давай рассказывай. Ну, и как тебе Вольский?

Она плюхнулась в кресло напротив и только тут заметила, что Вероника сидит с телефоном в руке.

— Ник? Ты чего? Что-то не так?

— Все так, — попыталась отмахнуться Ника и натянула на лицо дежурную улыбку.

— Денег мало дали что ли? — пошутила Марина, не сводя с лица подруги внимательных глаз.

— Да причём здесь деньги! — поморщилась Ника. — Если честно, мы вообще про деньги не говорили! Меня назначили советником по интеграциям.

— Да что ты говоришь! — притворно испугалась Марина и всплеснула руками. — Ну тогда это действительно катастрофа! Я бы даже сказала — прям беда! Трагедия! Чем тебе помочь, моя дорогая? Хочешь, помогу потратить первую зарплату советника?

Вероника подняла возмущенный взгляд на Марину и, не выдержав, рассмеялась.

— Да ну тебя! — она махнула рукой, откидываясь в удобном кожаном кресле. — У меня столько проблем, и вообще, я хотела в отпуск.

— Ну, какие у тебя проблемы? — Марина схватила со стола очки Вероники, нацепила их на нос и с притворным вниманием уставилась на подругу. — Доверься мне как специалисту. Давай выясним, что же именно тебя беспокоит. Шикарный кабинет, — она обвела рукой просторный светлый офис, — прекрасная новая должность, красивый муж, чудесный сын, я ничего не упустила?

— Марин, прекрати! Мне сейчас вообще не смешно.

---

[1] От англ. Promotion - Продвижение, повышение

— Ну ладно, какие уж тут шутки! — Марина пожала плечами и вернула Нике очки. — Хотя, и, если серьезно, чего так убиваться? Помнишь, ты сама учила, ищи плюсы в моменте. Вот у меня, например, в отличие от тебя, мужа нет. И сын у тебя совсем не то, что мой оболтус, весь в своего папашку, как под копирку! Жесты, манеры, даже словечки! Вот скажи, стоило разводиться, чтобы бывший постоянно незримо присутствовал в твоей жизни? Даже не представляешь, как это бесит. Твой Вадик тоже клон своего отца?

Вероника не сразу нашлась, что ответить, но Марина и не ожидала ответа, она просто продолжила разглагольствовать:

— У меня теория, что дети копируют только тех отцов, которые посланы в наказание бывшим женам.

— В наказание, — повторила Вероника, — хорошо сказано. Мой сын похож на меня, — она тряхнула головой, отгоняя призраков из прошлого. — Ладно, Марин, ты извини, я немного занята. Сама понимаешь, новая должность.

— Все понимаю, — кивнула Марина, неохотно поднимаясь с удобного кресла. — И вообще, в офисе не поболтать. Давай как-нибудь на неделе выберемся поужинать? Кстати, — она обернулась в дверях. — а зачем ты все-таки понадобилась Вольскому? Мне казалось, что все интеграции завершены. Или я чего-то не знаю? Говорят, он планирует какие-то перестановки. Правда, что ли?

Она вопросительно посмотрела на Веронику, но та лишь неопределенно пожала плечами:

— Не знаю, он со мной ничего подобного не обсуждал. Моя задача — довести до ума «Драйв», чтобы команда не посыпалась, и бизнес работал как часы. И Марин, я тебя умоляю, не болтай, что мы знакомы. Ну или подожди хотя бы до официального анонса.

— Хорошо-хорошо, — Марина остановилась в дверях, — только знаешь, Ник, ты бы поосторожнее. Акулы… они чуют кровь по-другому.

Вероника проводила её взглядом и откинулась в кресле. Ну и что теперь прикажете делать? Её и без того сложная жизнь усложнилась теперь до вселенского масштаба.

Тишину комнаты прервал телефонный звонок, и она вздрогнула от неожиданности. Взяла в руки мобильный — темный экран. Вероника перевела взгляд на стационарный телефон, горделиво установленный на её рабочем столе.

— Не иначе как кремлевская связь, — проворчала Ника, поднимая трубку.

— Вероника Андреевна?

Ника узнала мелодичный голосок секретарши Вольского.

— Да, я вас слушаю.

— Михаил Петрович просил передать, что планирует завтра представить вас топ-команде. Совещание ровно в десять.

— Да, конечно, — Вероника кивнула и положила трубку.

Значит завтра и никаких шансов отложить или перенести. Она вспомнила узкое с резкими скулами лицо Славы Рублёва, его светло-серые глаза, которые, когда он злится, становятся почти прозрачными. Очень скоро ей придется снова в них заглянуть. Она должна быть к этому готова. Но сначала нужно как-то объяснить семье, почему они отменяют отпуск.

Глава 4

Вероника Беляева не была единственной, чьё утро пошло не по плану. Алексей Иванов, коммерческий директор «Поливоль», вместо того, чтобы степенно позавтракать за чтением утренних новостей, уже полчаса гонял по виртуальной трассе. Он изо всех сил старался сконцентрироваться на гонке и не думать о недавнем разговоре с Вольским. Получалось плохо.

Обычно Михаил Петрович имел обыкновение назначать аудиенции у себя — очень уж он любил исполнение всех обязательных ритуалов: звонок секретаря, официальное приглашение, томление посетителя в приемной. А в тот день он без предупреждения лично нагрянул к Алексею. Буквально ворвался в кабинет, громко хлопнув дверью, за которой оставил маяться личных охранников и изумленных сотрудников, не привыкших к таким неожиданным визитам высокого начальства. От неожиданности Алексей подскочил как нашкодивший школьник.

— Добрый день, Михаил Петрович.

Он сделал шаг навстречу и протянул Вольскому руку для приветствия. Тот, не глядя на хозяина кабинета, молча уселся в кресло. Алексей почувствовал, как откуда–то из желудка поднимается ощущение тревоги.

— Я так понимаю, что–то случилось, — спросил он шефа. Он старался говорить, как обычно, и надеялся, что голос его не выдаст.

— Меня радует, что ты понимаешь, — тон, которым заговорил Вольский, не предвещал ничего хорошего. — Заигрался ты, Алеша. Я вот только никак не пойму, ты что, нюх потерял? Или всё-таки страх?

Вольский выдержал театральную паузу, ожидая реакции собеседника, но Иванов не дрогнул. Он молчал, внимательно глядя в глаза высокому начальству. Алексей отлично знал правила игры — если попал под воспитательный каток, то не смей открывать рот, пока не будет оглашен полный список обвинений. Сначала нужно выслушать и получить все сполна, и только потом можно будет что–то ответить.

— Какого черта у тебя творится, Алексей? Ты вообще ситуацию контролируешь? Как ты мог допустить потерю контракта с «Плимутом»? Пол-ярда! Пятьсот лямов! И заметь, моих лямов! Ты хоть осознаешь масштаб устроенной тобой жопы?!

Вольский бушевал минут двадцать, и все это время Алексей только молчал и слушал. А что тут можно сказать? Это все не я, это накосячили другие плохие сотрудники? Я хороший, все исправлю, простите меня, я больше так не буду?!?

— Распустил ты своих людей, Алеша, — Михаил Петрович выплеснул основную часть своего гнева и звучал уже чуть спокойнее. — Слишком доверяешь, жалеешь, ошибки прощаешь. Вот потому сидишь здесь теперь передо мной, молчишь, пыхтишь и выслушиваешь. Злишься и терпишь.

Вольский испытующе посмотрел на Иванова, Алексей не отвел взгляд.

— Молодец, что выслушиваешь. И что не оправдываешься, тоже молодец. Надеюсь, что и выводы правильные делаешь.

Алексей чуть заметно кивнул. Все это время он мысленно формулировал аргументы своей позиции, стараясь подобрать краткие емкие фразы. Но сейчас, когда услышал между строк, что Вольский в курсе деталей и понимает, что в случившемся нет персональной вины Алексея, что цепь непредсказуемых обстоятельств, он чуть расслабился — все ясно, Вольский проводил взбучку в педагогических целях. Кто–то ведь должен быть виноват!

— И что ты теперь планируешь делать? — поинтересовался Михаил Петрович.

— Полечу в Новорусск, — коротко ответил Алексей и встал, демонстрируя готовность немедленно лететь хоть на край земли.

Вольский одобрительно кивнул и, тяжело поднявшись со своего кресла, направился к выходу, но у двери обернулся.

— Сними, не в цирке! — Вольский ткнул пальцем в плакат на стене. — Понабрался от Рублёва дворовых привычек! Распустил я вас! Черти что, понимаешь ли!

Он вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Алексей проводил глазами акционера, потом посмотрел на плакат и в тысячный раз прочитал забавную надпись, которая сейчас вдруг показалась угрожающей — «хватит думать, делать надо».

Даже сейчас, вспоминая эту историю двухнедельной давности, Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он выжал до упора газ и ему даже показалось, что он чувствует запах дымящейся резины и выхлопных газов. Сквозь гул болида прорывались чьи–то голоса, но в оглушающем грохоте гоночной трассы невозможно было что-то разобрать. Где–то далеко толпа скандировала его имя «Леша! Леша! Леша!», и вдруг он почувствовал, как какая–то неведомая сила сдирает с головы гоночный шлем. Алексей взмахнул руками, ожидая неминуемого столкновения.

— Леша! — перед ним стояла жена, гневно потрясая большими студийными наушниками. — Леш, ну сколько можно?!

Несмотря на хрупкость фигуры, Лена выглядела устрашающе, и Алексей вместе гневной тирады, которая уже была готова сорваться с языка, только виновато моргнул. В комнату сунулся было огромный лохматый пес, но увидел грозную позу хозяйки и благоразумно попятился.

— Ну все, проиграл. На самом финише, — Алексей угрюмо мотнул головой в сторону огромного монитора, на экране которого только что завершилась гонка. Победил, увы, не он, а какой–то неведомый онлайн-соперник с ником «Йоу». Кто только придумывает такие идиотские ники?!

— Леш, ты издеваешься? — поинтересовалась жена тоном занудной училки, которым она обычно проверяла уроки у младшей дочери.

Вообще–то у них две девочки, но у старшей никогда ничего не нужно было проверять, она сразу родилась ответственным и исключительно сознательным ребенком. А вот младшая Женька, со слов жены, была вся в отца и требовала неусыпного внимания и постоянного контроля.

— Ну почему сразу издеваюсь? — забубнил муж, выбираясь из игрового кресла, занимавшего добрую половину комнаты. — У меня сегодня сложный день, могу я хотя бы утро провести так, как мне хочется?

— Я уже полчаса до тебя докричаться не могу, — Лена снова взмахнула наушниками, сорванными с головы мужа. — Сашка звонила, хотела с тобой пообщаться, но я тебя не дозвалась. У нас же папа занят, он играет!

— А чего она в такую рань? Или ещё не ложилась? — проворчал Алексей, забирая из рук жены наушники и аккуратно пристраивая их на спинку гоночного кресла. Он пригладил всклокоченные волосы и вытер вспотевший лоб.

— Так что сказал ребенок?

— Сказала, что всё «нормалды».

— Чего-о-о? — удивленно протянул муж. — Какой ещё «нормалды»?

— Это значит «очень хорошо», — пояснила жена. — Маффин, ну-ка марш отсюда, — прикрикнула она на пса, который пробрался в комнату и теперь пытался влезть на диван.

— Подожди, — заинтересовался Алексей, — в последней версии «очень хорошо» было «идеалити». А теперь какая–то новая терминология?

Жена пожала плечами и вышла из комнаты, следом за ней потрусил лохматый Маффин.

— Нет, ну это надо, — крикнул ей вслед муж, — мы живем в России, но собаку почему назвали не пончиком, а Маффином. А наша дочь, живя в Лондоне, вместо I'm OK, говорит «нормалды».

— Говорят, это сейчас тренд, — прокричала в ответ жена. — Английский, с рязанским диалектом!

— Скорее, с казахским, — проворчал Алексей.

Он бросил взгляд на часы — мать честная, он уже два часа здесь сидит! Ну надо же, а зашел всего на минутку!

Когда он спустился на кухню, завтрак был уже на столе, а жена колдовала над кофемашиной. Он поцеловал ей в макушку и вдохнул знакомый запах. Как он любил её волосы — густые, шелковистые, цвета жарких солнечных лучей в середине лета. Когда они познакомились, он сначала влюбился в эти золотистые волосы, заплетенные в две длинные косы, а потом уже в саму Лену.

— Так, лингвист, — жена все ещё хмурила брови, но по голосу было слышно, что она уже не злится. — Ты мне что обещал? Нормальный человеческий вечер пятницы! Без всяких звонков, дурацких скайпов, прогонов презентаций и тому подобного! На тебя налагается категорический… нет, тотальный запрет работать из дома!

— Так я и не работал, я играл, — возразил Алексей с абсолютно серьезным видом, но его глаза смеялись. — Я, между прочим, сознательный муж: если мне жена запрещает работать, я сразу иду играть.

— Вот что, сознательный муж, играть тоже запрещается! Ленка поставила перед ним кружку с дымящимся кофе.

— Да?! — притворно изумился Алексей. — А чем же, скажи на милость, мне тогда заниматься в свободное время?

— Ну что значит, чем заняться? — возмутилась жена. — Чем занимаются нормальные люди в свободное время?

— Нормальные — это те, у которых все «нормалды»? — уточнил Алексей, прихлебывая кофе.

— И они тоже, — кивнула жена. — Люди читают, гуляют и даже ходят в кино!

— Кошмар! — он в притворном ужасе закатил глаза, и она, не выдержав, рассмеялась.

Маффин услышал, что хозяйка смеется, и громко залаял, чтобы поддержать веселье.

Алексей завтракал и наблюдал за хлопочущей у плиты женой. Ленка что–то оживлённо ему рассказывала, ловко орудуя кастрюлями и сковородками, и выглядела откровенно счастливой. Он давно не видел её такой.

В последнее время жена все чаще и чаще начала заводить разговоры о том, что им нужно перебраться в Европу. Нет, ну ни в какую Европу он, конечно, не поедет. Кому он там нужен? Он столько лет строил карьеру, пахал, чтобы добиться того, что у него есть сейчас. И что теперь, просто все бросить? Особенно сейчас, когда Вольский затеял большую игру с перестановками и назначениями? Сойти с последнего финишного круга? Он вдруг вспомнил недавний онлайн турнир, обидный проигрыш и нахмурился «Ну уж нет! Это вам не игрушки, в бизнесе точно не проиграет!».

Из глубоких раздумий его вырвал голос жены:

— Леш, ты меня слушаешь? — она поставила перед мужем стакан клюквенного морса. — Пей, здесь сплошные витамины.

Алексей покорно взял стакан, сделал глоток и сморщился. Кислятина! Жена, наблюдавшая за его реакцией, рассмеялась:

— Без сахара, очень полезно! Так что не кривься, пей давай! — она решительно подвинула к мужу стакан.

— Это я от радости, что мой организм сразу столько пользы получает, — кивнул Алексей, покорно прихлебывая полезный напиток. — Видишь, из меня восторг так и прет?!

— Так что ты думаешь? — уточнила жена.

— О содержании сахара и пользе витамина С? — он непонимающе уставился на Лену.

— Ты опять меня не слушал, — она вздохнула и терпеливо пояснила, — я тебе уже полчаса рассказываю про свое креативное агентство.

Алексей сделал большой глоток и снова сморщился, но теперь не от того, что кисло, а от обсуждения идеи, уже набившей оскомину. Ну далось ей это агентство!

— Лен, ну зачем? Тебе что, денег мало? Зачем эта морока с новым бизнесом? — он почувствовал, как в нем поднимается раздражение.

— Леша, я не могу все время сидеть здесь одна и ничего не делать.

— Ну почему ничего? А дом? А сад? А твои художества?

— Художества? — Ленка сникла буквально на глазах. — Ну зачем ты так?

— Ну не обижайся! Я просто не могу понять зачем? Ну рисуешь ты свои картины, вот и рисуй! Зачем сразу креативное агентство? — Алексей подошел к жене и попытался примирительно обнять за плечи, но она увернулась.

— Я не рисую, я пишу!

Он вздохнул — ну вот, опять. Они ведь только–только заключили перемирие и договорились, что будут учиться жить вдвоем и помогать друг другу, чтобы не чувствовать себя одинокими взрослыми людьми, у которых внезапно выросли дети. Похоже, он опять всё испортил неосторожным словом.

— Лен, ну не дуйся, — Алексей добавил в голос подхалимских интонаций. — Я не хотел тебя обидеть. Просто правда не понимаю, зачем создавать проблемы на ровном месте. У тебя же столько всяких разных дел, — он взмахнул руками, показывая масштаб задач. — Твои картины, волонтерство. Кому ты там помогаешь, собачьему питомнику? Ты же раз в неделю к ним мотаешься.

— Два, — жена растопырила указательный и средний пальцы, чтобы муж однозначно понял, сколько раз она ездит к бездомным собакам, и пояснила, — дважды в неделю, по вторникам и пятницам.

— Ну вот, даже два, — покорно согласился Алексей. — Плюс ты регулярно ездишь к девчонкам на неделю, а то и на две. А агентство — это же бизнес, он требует ежеминутного внимания. Ну зачем тебе это, Аленушка? — он притянул к себе вырывающуюся жену и крепко обнял.

Она уткнулась ему в плечо, но вместо того, чтобы, как обычно, согласиться, упрямо пробурчала откуда–то из его подмышки:

— Леш, ты когда был в командировке в Новорусске, каждый день звонил и рассказывал, как там всё горит, и как ты всё налаживаешь. А знаешь, что я чувствовала? Зависть. Потому что у меня ничего не горело, — она помолчала и тихо добавила, — кроме каши на плите. Леш, у тебя есть жизнь, девчонки выросли и у них теперь тоже своя жизнь. А у меня только то, что вы рассказываете о том, что с вами происходит.

В кармане у Алексея завибрировал спасительный мобильный — Вольский, собственной персоной. В голове прозвенел тревожный звоночек — ранний звонок начальства не предвещает хороших новостей.

— Доброе утро, Михаил Петрович, — Алексей ответил на звонок и вышел на террасу, воспользовавшись поводом прервать неприятный разговор.

Закончив звонок, Алексей прислонился к деревянным перилам террасы и с наслаждением глубоко вдохнул — пахло весенней влажной землей, первыми почками, талым снегом, синим небом. Или у неба нет запаха? А почему нет? Ведь у летних солнечных лучей есть запах. Они пахнут как Ленкины золотистые волосы, так почему у неба не может быть запаха?

Вон уже первоцветы полезли, скоро тюльпаны зацветут. В этом году неожиданно ранняя весна. Эх, хорошо! Живи да радуйся! Вот чего Ленке нужно? Жила же она всю жизнь без карьеры и ничего, а тут на тебе, блажь какая–то. Сейчас будет дуться, обижаться, опять перейдет в режим холодной войны.

Господи, только не это! Ему и на работе проблем за глаза хватает! Дома ему нужен надежный тыл, а не боевые действия на приграничной территории. Проблем ему и на работе хватает.

Краем глаза он заметил Маффина, который бодро вышагивал по грядкам с тюльпанами, оставляя огромные кратеры следов.

— Маффин, марш оттуда! — рявкнул Алексей на пса и опасливо оглянулся на кухонные окна. — Если тебя застукают, нам обоим конец!

Алексей подковырнул ногой комья мокрой земли, чтобы прикрыть следы собачьего преступления и потянул упирающегося Маффина за ошейник в дом.

— Лен! — закричал Алексей, возвращаясь на кухню. — Лен, ну не обижайся! Давай не будем ссориться?

Алексей обнял жену, чувствуя, как в кармане снова ожил мобильный. Ему не нужно было смотреть на экран телефона, чтобы знать, кто звонит. Он не стал отвечать — не сейчас, чуть позже. Он пока не решил, что делать дальше.

Глава 5

Глава 5

Слава Рублёв был рожден урбанистом и пропитан духом больших городов от подошв дорогих дизайнерских кроссовок до макушки, поросшей длинными волосами, временами собираемыми для удобства в модный хвост.

Он обожал города за бунтарскую природу и категорическое нежелание помещаться в маленький кружок, отмеренный кем-то на карте. Они так и норовили выползти за границы, прорастали в близлежащие области и тянулись высотками ввысь. Когда жара и пекло брали в плен, а раскаленные стекло, асфальт и бетон начинали плавиться, был его пиком максимальной концентрации энергии и абсолютного единения с мегаполисом. И даже зимой, когда мегаполис застывал, скованный холодом и льдом, он был счастлив, ощущая себя частью этой громадины.

Обычно, когда на своем байке он шустро лавировал между автомобилями, обездвиженными традиционной утренней пробкой, его накрывало ощущение бесконечного счастья, которое могли дать только скорость и свобода. Но сегодня, когда он мчался в офис, у него из головы не выходил утренний разговор с женой и дочерью.

— Пап, смотри, — Алиска подскочила к нему, едва он, ещё заспанный и неумытый, появился в дверях кухни. — Пап, ну посмотри, какой он хорошенький! Ну правда няшный?!

Девочка повисла на отцовской руке с самым подхалимским выражением из всех имеющихся в арсенале двенадцатилетнего подростка.

— Ну что там у тебя? Куда смотреть? — хмуро откликнулся Слава, хотя его сердце мгновенно капитулировало и застучало в режиме бесконечной отцовской любви. — Давай, показывай!

Он чмокнул в плечо жену, колдующую над завтраком, и уселся на низкий подоконник — предмет особой гордости в просторной светлой квартире Славы Рублёва. Именно поэтому он выбрал эту квартиру и снимал её уже несколько лет, несмотря на все нарастающее недовольство жены. В последнее время она все чаще и чаще заводила речь о том, что им пора купить собственное жилье и непрозрачно намекала на загородный домик.

— Так, и что у нас здесь? — Слава взял из рук дочери телефон.

— Не что, а кто!

Алиска подлезла под отцовскую руку и примостилась рядышком. Слава пролистнул несколько фотографий и раздраженно сунул телефон обратно дочери.

— Алис, ну ты опять за своё?! Сколько можно?

— Ну что за своё? Что значит за своё? — возмутилась Алиска и забавные веснушки на её овальном личике с упрямым подбородком, заалели ярче обычного. — Пап, ну ты же обещал!

— А что я обещал? Я обещал подумать, просто подумать! Но я пока ничего не решил! А ты что молчишь? — набросился Слава на жену, которая невозмутимо наблюдала, как шипящая молочная пенка льётся тонкой струйкой в чашку с капучино.

— Я думаю, что вполне достаточно того, что вы вдвоем вопите, — Аня взяла чашку в руки и повернулась к мужу. — Поэтому я промолчу, хотя, — добавила она многозначительно, — мне тоже есть, что сказать.

— Нет, девчонки, вы издеваетесь? Ну какая собака? — Слава попытался воззвать к голосу разума, переводя взгляд с жены на дочь. — Ну вы серьезно? Мы столько раз это обсуждали! Кто с ней будет гулять, кто будет за ней ухаживать? Да и хозяйка квартиры ни за что не разрешит!

— Так может пришло время все-таки подумать о своем жилье? — Аня посмотрела на мужа. — Сколько можно жить в съемной квартире?

— Пап, — Алиса схватила отца за руку, — давай купим и дом, и собаку!

— Вы так говорите, словно речь про обычный шопинг. Всего лишь дом и собака! — возмутился Слава. — Мы же сто раз об этом говорили. Ань, вот скажи мне, зачем тебе дом за городом? У твоих родителей отличная дача, куда мы все можем приезжать, когда захотим. А мы живем в этих прекрасных апартаментах в престижном районе, в центре цивилизации, откуда всем удобно добираться — тебе до работы, Алиске до школы. Чем вам здесь плохо?!

Он широко раскинул руки в призыве оглянуться по сторонам, чтобы воздать должное модному интерьеру в стиле лофт и прекрасному виду, открывающемуся из больших панорамных окон.

— А почему ты решил, что мне хорошо? — Алиса уставилась на отца злым колючим взглядом. — Причём здесь вообще дом за городом?! Живите где хотите, я вам про собаку говорю! Вы вообще хоть что-то понимаете? Вы оба, — она ткнула в родителей пальцем с черным маникюром, — полнейшее невдупло!

Алиса выскочила из кухни, громко хлопнув дверью.

— Это что она сейчас сказала? — Слава уставился на жену непонимающим взглядом.

— Полнейшее что?

— Невдупло, — терпеливо пояснила жена. — Причём, полнейшее. И мне кажется, что это особенно обидно.

«Полнейшее невдупло» — возмущенно бормотал Рублёв, паркуя свой мотоцикл на подземном паркинге бизнес-центра. Он снял шлем и тряхнул головой, смахивая упавшую на лоб челку. Глянул на часы — ровно семнадцать минут от дома до офиса, полчаса до первой встречи. Неплохо для человека, который проснулся всего час назад.

Экономия времени — ещё один неоспоримый плюс городского жителя. Это же очевидно! Ну ладно Алиска, она ещё ребенок, мерит счастье собаками, но как Аня может не понимать преимущества жизни в центре? Когда только у неё стали появляться эти мещанские замашки про «домик в деревне»? Ладно, когда все получится так, как он планирует, а у него всегда все получается, они ещё спасибо ему скажут!

Слава Рублёв поднялся в зону ресепшн и не спеша прошёл через огромный холл к большим панорамным лифтам, похожим на космические корабли. В своей мотоциклетной экипировке, со шлемом и крагами в руках, в толпе офисных клерков он выглядел инопланетянином.

Слава перехватил на себе заинтересованный взгляд молоденькой блондинки и посмотрел на неё в упор. Та мгновенно смутилась и отвернулась в сторону, делая вид, что это не она минуту назад пялилась на него как на музейный экспонат. Двери лифта распахнулись, и Слава галантно отступил, пропуская девушку вперед.

Стеклянный лифт почти мгновенно телепортировал его на двадцать третий этаж. Лифты здесь были бесшумными, как призраки. Двери раздвигались беззвучно, выпуская потоки безупречно одетых людей в мир четких линий и тонированного стекла.

Сам офис представлял собой опенспейс в модном стиле лофт, но без творческого хаоса: длинные белые столы, мониторы в идеальной линии, стеклянные перегородки, цветы в одинаковых серебристых кашпо. Даже яркие акцентные стулья, выбранные дизайнером, казались постановочными и неестественными, как муляжи фруктов в рекламной съемке.

Рублев шёл по двадцать третьему этажу, здороваясь с попадающимися навстречу сотрудниками. За последние полгода Рублёв так часто бывал в этом офисе, что его уже давно воспринимали как своего. Сам Слава обитал на пятнадцатом этаже — достаточно высоком для рядового сотрудника, но недостаточно статусном с точки зрения корпоративной иерархии. У него был отдельный кабинет — конечно, не угловой с панорамным обзором, как у Иванова, но большой и стильный, обставленный дизайнерской мебелью, выбранной по индивидуальному

заказу. Правда, чаще кабинет пустовал, потому что Слава предпочитал работать в огромном опенспейсе вместе со своей командой или в кабинете Иванова, пристроившись, как он сам смеялся, на боковой полке в плацкарте.

Вот и сейчас он подошел к огромному стеклянному кабинету, просматриваемому со всех сторон, над входом которого висела табличка «А.П.Иванов, Коммерческий директор», и рывком по-хозяйски распахнул дверь.

— Хеллоу! — Рублёв громко приветствовал Алексея и бесцеремонно развалился в гостевом кресле.

— И тебе не хворать, — отозвался Алексей Иванов, неодобрительно окидывая взглядом внезапного гостя. — Ты, случайно, не забыл, что у нас встреча с Вольским?

— Как можно забыть? — насмешливо отозвался Слава, закидывая ноги на соседний стул. — Наш акционер всегда в моем сердце. Правда, Светулик? — обернулся он к заглянувшей в кабинет помощнице.

— Ложь! — сверкнула глазами девушка.

— Нет такого глагола, — перебил её Слава поучительным тоном. — Надо говорить «клади». Светулик, ты же образованная девушка!

— Наглая ложь, — уточнила девушка. — В твоем сердце только цифры годового отчета.

Она испепелила взглядом Рублева и обратилась к начальнику.

— Алексей, сводки, про которые ты спрашивал, у тебя в почте. Глянь по-быстрому и если что не так, я успею поправить до встречи с шефом.

— Спасибо, — кивнул Алексей.

— Можешь не суетиться, я ещё ночью все проверил. — Слава вскинул руки и с наслаждением до хруста потянулся. — И мой тебе совет, Алексей Петрович, никогда не бери цифры из утренних выгрузок, они всегда косячные.

— Ну тогда лови встречный совет, — Алексей Иванов захлопнул ноутбук и подошел за своим пиджаком к маленькой незаметной вешалке в углу кабинета. — Убери шлем с моего стола и сними ноги со стула.

— А я уж было подумал, что ты предложишь мне свой пиджак, — ухмыльнулся Рублёв, наблюдая как приятель застегивает пуговицы. — Чтобы я, так сказать, не позорил топ-менеджерский род своим непотребным видом.

— Обойдешься, — огрызнулся Алексей. — Пора бы уже раскошелиться на приличный костюм. В солидной компании работаешь, а выглядишь как оборванец.

— Вот и жена меня пилит, что ни кола-ни двора, — с деланой грустью протянул Рублёв, поднимаясь со стула. — Купи, говорит, себе костюм, а мне, говорит, дом за городом. И ещё говорит, продай байк и приобрети, наконец, солидную машину.

— Нет, ну а что, нормальный план. — кивнул Иванов. — Прислушайся к жене, она плохого не посоветует. Начни с малого, например, с костюма.

Алексей поправил галстук и демонстративно постучал пальцем по циферблату часов, непрозрачно намекая приятелю, что им пора.

— Ну это как посмотреть, — ухмыльнулся Рублёв, выходя из кабинета вслед за Алексеем. — Если с точки зрения банальной логики, то этот план не выдерживает никакой критики. Я живу в центре города в прекрасной квартире, стоимость аренды которой на порядок ниже ежемесячного ипотечного взноса — это если вдруг я сойду с ума и решу приобрести себе такую же. Но я не сойду с ума, — ухмыльнулся Слава и продолжил разглагольствовать. — При этом я абсолютно ничем не обременен и если вдруг у меня что-то изменится и, например, наш акционер сделает мне какое-то интересное предложение, то я не буду просчитывать, как далеко будет новая работа от моего дома. Я просто откажусь от аренды и сниму другую квартиру. Свобода, мой друг — это главное достижение современной цивилизации. Я не понимаю, как можно этим не пользоваться, если есть такая возможность?

— Свобода — это, по-твоему, жизнь в арендованной квартире, возможность приезжать на официальные встречи в драных джинсах и в сорок лет быть для всех Славиком? — насмешливо уточнил Алексей.

— Нет, свобода, мой друг, — Слава обнял Иванова за плечи, — это право быть самим собой, не стоять в пробках, даже если это случается в дорогом представительском автомобиле, носить удобные джинсы вместо костюмов с галстуками-удавками и быть простым и понятным Славиком, а не занудным Вячеславом Николаевичем.

— Нет, ну все логично, но только если ты один, — согласился Иванов. — А когда у тебя семья, ты же не можешь с этим не считаться.

— Не нагнетай, — фыркнул Славик. — Это все полная ерунда, блажь. Просто Алиске срочно понадобилась собака, вот Анька и решила подыграть ситуации.

По дороге в переговорную Славик завернул в гостевую раздевалку, швырнул на полку мотоциклетную экипировку и стащил с вешалки дежурный пиджак.

— Понимаешь, просто вот это вот все, — он показал рукой на пространство вокруг себя, одновременно натягивая пиджак поверх футболки с надписью «perfectly imperfec1[2]», — это жуткие кандалы и оковы.

— Классиков что ли на ночь читал? — насмешливо поинтересовался Иванов. — Дай угадаю, Достоевский?

— Не, Достоевского Анька читает. По мне, так сплошная депрессуха.

— Подожди, ну описание расправы топором очень реалистично, — перебил его Алексей. — Я иногда прям чувствую, как во мне Раскольников просыпается.

— Нет, я пацифист, — хмыкнул Слава. — Мне чужды кровь и террор. Я полночи смотрел клипы по телеку. Лех, прикинь, сто лет телевизор не включал, а тут вдруг щелкнул, пока работал, для фона и залип.

— Старые клипы? Я тут тоже попал на какую-то такую передачу. Мадонна, конечно, красотка, а Frozen 2[3]— это нечто.

— Мадонна? У меня для тебя новость, дружище, —хохотнул Рублёв и хлопнул Алексея по плечу. — Мадонна давно уже не та!

— В смысле не та? — удивился Алексей. — Как может та самая Мадонна быть не та?

— Да вот так. Ночным вайбом рулят теперь совершенно другие клипы. А ты, говоришь, Раскольников, Мадонна. Что ты на меня так смотришь как полнейшее невдупло?

— Чего?! — Иванов даже остановился, чтобы посмотреть в наглые смеющиеся глаза приятеля. — Какое невдупло?

— Полнейшее, — пояснил Слава. — Это нам с Анькой сегодня дочь заявила, когда я отказался купить собаку. Вот скажи, как это вышло, что мы из клевых парней превращаемся в «полнейшее невдупло»?

— Хрень какая-то, — возмутился Иванов. — Лично я не согласен.

— Хорошо, так и внесем в протокол, — Слава с серьезным лицом сделал вид, что записывает воображаемой ручкой на невидимой бумаге. — Алексей Иванов отказывается принимать титул «полнейшего невдупло… или невдуплы? Как думаешь, «невдупло» склоняется?

— Клоун, — рассмеялся Алексей.

---

[2] Перевод с англ. – совершенно несовершенный

[3] Песня Мадонны. Альбом Ray of Light